

Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского»

В русской средневековой литературе метафоры-символы получили большее распространение, нежели другие тропы. Это связано с многозначностью символа, с тем, что он может быть приложен к различным аспектам бытия, может объединять различные планы воспроизводимой художником действительности.¹ Метафора в той или иной степени присуща всем без исключения памятникам древнерусской житийной и ораторской прозы, что и закономерно: метафора — один из основных способов отражения действительности, метафора свойственна и самому языку.² В литературной практике Епифания Премудрого метафора, метафора-символ являются доминирующим стилистическим средством в художественной системе, определяемой самим автором житий и исследователями как «плетение словес».

Каждый прием сам по себе еще не может служить жанровым признаком. Прием становится таковым только в связи с другими признаками, в единстве всех приемов, составляющих художественную структуру произведения.³ Именно поэтому тропы, используемые Епифанием Премудрым, следует рассматривать в контексте, что даст возможность определить их роль в произведениях панегирического жанра вообще и в индивидуальном авторском стиле в частности. Для этого важно установить, как Епифаний пользовался традиционными стилистическими формулами, в чем он их творчески развивал, в чем отступал от них, какое место занимала метафора в системе художественных средств писателя, как она конструктивно связана со стилем «плетения словес».

Русские книжники, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, иногда видоизменяли метафору лишь стилистически.⁴ В этом отношении Епифаний, казалось бы, не составляет исключения. Однако он решительнее, чем кто-либо из его современников, стремился преодолеть однообразие традиционных поэтических средств. Он компенсировал это однообразие, не только стилистически видоизменяя традиционные образы, но и создавая новые сложные сплетения из различных символов, составляя метафорические картины из готовых стереотипов, причем использовал самые тонкие оттенки их значений. В то же время автор «Жития Стефана Пермского» рассматривал библейские книги как первоисточник своих стилистических формул, лишь в отдельных случаях ссылаясь на авторитетных византийских риториков.

¹ Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 162—163.

² И. П. Е р е м и н. Новейшие исследования по вопросам художественной формы древнерусских произведений. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 285.

³ Там же, с. 289.

⁴ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947, с. 19.

Для выяснения творческих принципов Епифания типы метафорических уподоблений, наиболее характерных для его стиля, целесообразно распределить по группам, центром которых является основное, «ключевое» слово.

В Житии распространены стилистические конструкции с ключевым словом «сердце», источник которых — Библия, и прежде всего Псалтырь. Книжная метафоричность образа привлекла писателя, и метафоры с этим ключевым словом получили у Епифания оригинальное преломление. Рассмотрим некоторые примеры.

1. Во вступлении Епифаний говорит: «Пишет же и великий Василие в поучении своем, глаголя: буди ревнитель право живущим, и сих имена и жития и дела на пиши на своем сердцы (здесь и далее разрядка наша, — О. К.). Елма ж аз не достигох в ту меру и не придох в сие прясло, еже невидимо на разумных скрижалях сердечных написати, но на чувственных хартиах изволих писати».⁵ Это типичное для житийных введений самоуничижительное рассуждение построено на оригинальном использовании метафорического образования с лексическим центром «сердце». Епифаний Премудрый подкрепляет свою мысль цитатой из «великого Василия» (Василия Кесарийского), содержащей традиционное метафорическое словосочетание «напиши на своем сердцы». Затем Епифаний в порыве этикетного самоуничижения говорит: «... аз не достигох в ту меру и не придох в сие прясло». Но тут же он распространяет и усложняет метафору Василия Великого, демонстрируя свое словесное искусство. Вариант Епифания («... невидимо на разумных скрижалях сердечных написати, но на чувственных хартиах изволих писати») позволяет найти источник метафоры и проследить ее трансформацию в житии: и цитируемый Епифанием византийский ритор, и сам писатель заимствовали ее из библейских текстов.

Следует учесть, что выразительность метафоры зависит не только от «зачаточного» образа, но в значительной степени от лексической окраски метафорического слова, т. е. от «ощущения» той лексической среды, откуда слово заимствовано.⁶ Этот зачаточный образ «сердца» встречается в Библии в различных лексических и стилистических вариациях, которые приводятся нами для сравнения и установления наиболее близкого источника рассматриваемой метафоры. Во Втором послании ап. Павла к коринфянам содержатся такие строки: «Послание бо наше вы есте, написанное в сердцах наших, известное и прочитаемое от всех человек; являемое, яко есте послание Христово, сложенное нами, написано не чернилом, но духом бога жива, не на скрижалях каменных, но на скрижалях сердца плотных».⁷ Возможно, этот фрагмент стал источником Епифаниевой метафоры. Мысль Второго послания к коринфянам, что делами людей движет божественная мудрость, близка Епифанию, именно она лежит в основе его литературной теории.

Метафора «скрижали сердечные» встречается во многих библейских текстах. Возможно, из книг ветхозаветных пророков она была перенесена в послания ап. Павла, в Деяния, а затем эта стилистическая формула перешла в агиографию. Так, в книге пророка Иезекииля содержится расширенный метафорический образ, созданный на этой основе: «И дам вам

⁵ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897, с. 1. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (номера страниц даются в скобках).

⁶ Б. В. Томашевский. Поэтика. М.—Л., 1935, с. 34—35.

⁷ Второе послание к коринфянам, III, 2—3.

сердце ново, и дух нов дам вам, и отиму сердце каменное от плоти вашей, и дам вам сердце плотяно».⁸ Естественно, что Епифаний воспользовался этим широко распространенным библейским образом. Важно подчеркнуть, что автор жития применил библейское изречение к характеристике своего труда, в значительной степени трансформировав известную библейскую формулу и опираясь на авторитет Василия Кесарийского.

Нетрудно заметить, что в данном метафорическом уподоблении Епифаний соединяет две метафоры, восходящие к сходным библейским фрагментам, — «скрижали сердечные» и «скрижали разумные», используя при этом образ, переосмысленный в самих библейских книгах. Как известно, первоначальное значение скрижалей — камни, на которых были начертаны десять заповедей. Впоследствии слово приобрело различные значения, частично продолжающие жить и в современном русском языке.⁹

Своеобразие использования этого традиционного образа проявляется и в том, что Епифаний усложняет метафору метафорическим эпитетом («не видимо на разумных скрижалях сердечных написати») и тем самым создает смысловую сгущенность, которая должна была оказывать на читателя или слушателя сильное воздействие. Писатель распространяет созданный им образ уточняющим словосочетанием «на чувственных хартиях изволих писати». Возникает новая метафора, связанная с ключевым образом «сердце» и основанная, вероятно, непосредственно на текстах библейских пророков. При этом метафора «сердце плотяное» заменена синонимическим «чувственные хартии» (хартия — материал для письма, сердце также служит материалом для начертания божественных слов).

2. «Он же, видя их на крещение грядуща, и зело преобладовася обращению их и с веселым сердцем и тщанием приат» (с. 33). Так пишет Епифаний о Стефане Пермском, которому удалось убедить часть язычников-пермян в истинности христианской веры. Образ «веселого сердца» играет здесь особо важную роль: он подчеркивает и значение дела Стефана, и его душевное состояние, в котором он пребывал после первого успеха. Здесь Епифаний использует широко распространенный библейский символ («веселое сердце») указывает на человека, обращенного к богу и преданного его учению.¹⁰

3. Стилистический период, содержащий метафору «с веселым сердцем», оканчивается другой традиционной метафорой — «очи сердечные»: «Бог бо, милосердый человеколюбец, своею благодатию отверзе им ум и очи сердечные, еже к спасению, и вси ему биаху челом, припадающе к ногам его, просяще святаго крещения и знамения» (с. 33). Слово сочетание «очи сердечные» представляет собой собственно метафору плюс метафорический эпитет, ибо в Библии оба эти слова имеют метафорически-символическое значение. Епифаний соединяет эти традиционные образы в один.

В Писании «очи» встречаются и в прямом, и в переносном значении. Значительное место занимают метафоры, связанные с притчей о Христе, отверзшем очи слепорожденному. Из сопоставления библейских вариаций этой темы проясняется символическое значение образа: «очи» — символ христианской веры. Следовательно, в рассматриваемом фрагменте выраже-

⁸ Иезекииль, XXXVI, 26; ср.: там же, XI, 19.

⁹ Словарь современного русского литературного языка, т. XIII. М.—Л., 1962, с. 1059.

¹⁰ «Да возвеселится сердце, ищущее благоволения его» (1-я книга Паралипоменон, XVI, 10); «Возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой» (Псалтырь, XV, 9); «Свет возсия праведнику, и правым сердцем веселие» (Псалтырь, XCVI, 11); «Сердцу веселящуся, лицом цветет» (Притчи Соломоновы, XV, 13), и др.

ние «отверзе им ум и очи сердечней» нужно понимать как обращение в христианскую веру, как путь к спасению, предложенный Стефаном язычникам.

4. В самоуничижительном экстазе писатель ставит самого себя чуть ли не в один ряд с язычниками. У них — «сердце осквернено», у автора — «сердце острупленное многими струпы душевных вредов и телесных страстей» (с. 3). Эта распространенная метафора, созданная на основе традиционного образа, подтверждает тяготение писателя к видоизменению устойчивых формул путем их метафорического расширения. Возникает поэтическое обобщение большой силы, имеющее различные стилистические оттенки, вызывающее дополнительные ассоциации.

5. Метафоры с ключевым словом «сердце» встречаются у Епифания и в составе цитат из Писания: «Яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящите покой душам вашим» (с. 13);¹¹ «Петр апостол, яко светилу сияюще в темном месте, дондеже день просветит и деньница встает в сердцах их» (с. 18).¹² Включенное в авторский текст без ссылок на источник, традиционное уподобление органически входит в ткань повествования, воспринимается как авторское, но тем не менее продолжает оставаться и текстом библейским, священным, а потому наиболее значительным в рамках житийного произведения.

Рассмотрим один из вариантов такого рода использования метафоры в цитате. В поучении, произнесенном Стефаном перед смертью, особенно эмоциональном и насыщенном библейскими образами и символами, читаем следующую фразу: «Внемлите, людие мои, закон божий, внимайте себе, чада, бдите и молитесь, стоите в вере неподвижими, м у ж а и т е с я, да к р е п и т с я с е р д ц е в а ш е, станите о вере тверде, блюдетесь от еретиков, стерезитесь от иже развратников вере, снабдитесь от приходящих раскол церковных и от находящихся раздор, сохранитесь от всякия ереси пагубныя, блюдетесь от кумирслужения вашего давнего, да никто же вас прельстит злыми словесы» (с. 83).

Последнее слово умирающего Стефана, исполненное особой ритмичности, вызванной повторением одних и тех же грамматических форм, содержит 25-й стих XXX псалма: «Мужайтесь, и да крепится сердце ваше, вси уповающи на господя». Епифаний не ограничивается включением в свой текст слов Писания, он как бы развивает, продолжает псалом, разъясняет главную мысль. Возникает цепь синонимических выражений, связанных с метафорическим «крепится сердце», в которой метафоры не сливаются, а соприкасаются, обнаруживая новые оттенки значений.

В анализируемой группе метафор ядром (ключевым словом) является «сердце». На образном восприятии различных частей человеческого тела основан еще ряд метафор (с ключевыми словами «ноги», «челюсти», «гортань», «язык», «рука», «мышца» и др.). Наиболее интересно своеобразное переосмысление Епифанием Премудрым традиционной метафоры с ключевым словом «ноги», которая была связана прежде всего с представлением о «красном подвиге», о хождении в чужие земли:¹³ «Поиде в землю, иде же не ходиша ногами сии святыи апостоли, ученице господни. По истине бо тех суть красны ноги, благовествующих мир. Поиде в землю, иде же не бывали, обиходи апостолстии, иде же не изыде вещание и проповедание святых апостол, иде же не бы ни следа благочестия и богоразумия, иде же имя божие отнуд не именовалось, иде ж поклоняются идолом, иде же жрут жертвища, служаще глухы кумиром, иде же молятся издолбленным бол-

¹¹ Евангелие от Матфея, XI, 29.

¹² Второе соборное послание ап. Петра, I, 19.

¹³ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе XIV—XV вв. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 108.

ваном, иде же веруют в кудесы и в волхования и в чарования и в бесования и в прочаа прелести диавольския, иде же суть глаголемии иноязычницы невернии, иде же рекомии невегласи прелщении, некрещении человецы» (с. 18).

Различные метафорические вариации этого ключевого образа находим в Псалтыри¹⁴ и в Евангелии от Матфея. Подробно характеризуя языческие земли, в которые отправился Стефан, Епифаний преследует две цели: раскрыть метафору и одновременно еще раз подчеркнуть грандиозность подвига своего героя. Создавая стилистический период на основе метафоры «красны ноги», автор вновь не забывает о звуковом впечатлении, которое должен произвести этот период (одиннадцатикратное повторение сочетания «иде же» создает анафорическую композицию).

Метафора «красны ноги» встречается еще раз в конце «Жития Стефана Пермского», где Епифаний возвращается к темам, затронутым им в начале. Он как бы подводит итоги и, повторяя некоторые ситуации и уже использованные стилистические приемы и образы, подтверждает необходимость составления панегирика подвижнику. Так, в «Плачеве и похвале инока списающа» Епифаний вновь перечисляет все доблести Стефана: «Кто не удивится о сем. . . и кто не ублажить твердаго сего страдалца и храброго воина, како един брася с врагом и победи врага борющагося и исхыти из руки его вся восхыщенья и прелщенья и поглощенья, елико имеяше враг под рукою своею, но и в челюстех своих и в самом гортани обретаемая, и тако к р а с н ы м а н о г а м а си наступль на змиа и на челюсти его, по реченому: на аспиду и василиска наступиши и попереши льва и змеа;¹⁵ и тако исторгнув из самого гортани его древле похыщенья и поглощенья и прелщенья идолослужением и сих обратив и научив, овчата Христова крещением сотвори я и верою приведе я ко Христу богу» (с. 109).

В первом примере Епифаний говорил о «красных ногах», несущих благую весть миру, во втором случае «красными ногами» Стефан наступил на змиа и «челюсти его». В отличие от первой, сугубо абстрактной ассоциации, писатель во втором фрагменте жития готовую, уже использованную метафору неожиданно переводит почти в реальный план. Однако Епифаний тут же оговаривается, что Стефан поступил так «по реченому», и приводит в подтверждение своих слов цитату из Псалтыри. Следует отметить, что слова «наступль на змиа и на челюсти его» связаны с евангельским изречением: «Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию».¹⁶ Используя это изречение, Епифаний подчеркивает, что Стефан, совершивший апостольский подвиг, сближается с учениками Христа. В другой части Жития автор, приводя тот же евангельский текст, дает его со ссылкой: «И сам Спас в Евангелии рече: „. . . се даю вам власть наступати на змиа и на скарьпия и на всю силу вражию“» (с. 38).

Метафора-символ с ключевым словом «ноги» в различных видах довольно широко распространена в Житии. Это не случайно, так как деяния Стефана постоянно связываются с апостольскими. «Того ради ныне отпусти мя, раба своего, владыко, по благословию твоему с миром и молитву сотвори о мне, да благовестую в странах и бог мира да управит путь мой, да и справить стопы моя, направит ноги наша на путь мирен» (с. 14). Эти слова Стефан произносит, обращаясь к епископу Герасиму Коломенскому с просьбой отпустить его для проповеди в перм-

¹⁴ «Яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слез и нозе мои от поползновения» (пс. CXIV, 8); «Совершаяй нозе мои яко елени, и на высоких поставляяй мя» (пс. XVII, 34); «Яко да омочится нога твоя в крови» (пс. LXVII, 24); «Нога моя ста на правоте» (пс. XXV, 12), и др.

¹⁵ Пс. XC, 13.

¹⁶ Евангелие от Луки, X, 19.

ские земли. Реальная просьба Стефана легко переходит в символично-метафорический план, так как метафорические образования «исправить стопы», «направит ноги» говорят о евангелическом (евангелие — благая весть) подвиге подвижника-апостола: «Обуи нозе на уготование благовествования веры» (с. 15). Писатель применяет стилистическую симметрию, столь характерную для многих библейских книг (в особенности Псалтыри),¹⁷ которая ритмизирует текст: «...исправить стопы моя — направит ноги наша».

Своеобразный вариант анализируемой метафоры содержится в молитве Стефана, произнесенной им перед походом в пермские земли. Текст молитвы — мозаика из псалмов: «Господи, пред тобою все желание мое. Желание же мое се есть, еже обрати сей язык пермский от прелести идольския, поне ж углебоша языцы в пагубе, юже сотвориша в сети сеи, юже скрыша, увязе нога их».¹⁸ В делех руку свою увязе грешник,¹⁹ делом руку своею поклонися кумиром, ни увидеша, ни разумеша во тме ходяще, но да помянутся и обратятся к господу вси концы земля и да поклонятся пред ним вся отечествия язык» (с. 24).²⁰ Смысловый акцент сделан на изречении «юже сотвориша в сети сеи, юже скрыша, увязе нога их» (это — 16-й стих пс. IX). В пс. IX, между прочим, говорится о грешнике, запутавшемся в сетях неправедной веры. В Житии этот образ использован в таком же смысле.²¹

После состязания волхва Пама со Стефаном, закончившегося поражением волхва, последний произносит следующие слова: «Сих всех, увы мне, не получих, и яму, юже ископах, впадох в ню и в с е т и с е и ю ж е с к р ы х, у в я з е н о г а м о я, и ров изрых ему, и сам вринулся во нь, и быша ми последняя горши первых, понеже Стефан, мя одолев, посрами, и суетна мя показа и всего мя немощна явль, и ныне что сътворю или камо бежу, не веде» (с. 54). Волхв Пам говорит о реальных испытаниях (пример того, как символ прилагается к различным аспектам), предложенных ему Стефаном. Однако в основе и этих «реальных» испытаний лежат библейские правоучения.

Некоторые традиционные библейские метафоры Епифаний переводит в конкретный, реальный план. В этом отношении интересен следующий фрагмент: «Аз бо силу свою исполних, и многа словеса божественнаа сказах и все, елико должен бе сотворити, и сотворих, и уже устал есмь уча их, не дая покоя челюстем моим, утрудихся въпия, измолче гортань моя, боле сего, что хотех сотворити и не сътворих, токмо еще сие глаголю и засведетельствую вам и запрещаю страшными клятвами» (с. 79). Стефан Пермский говорит здесь о своем состоянии после проповеди, обращенной к пермянам. Он устал, он трудился, «не дая покоя челюстем», его гортань «измолче», и т. д. Речь Стефана эмоциональна, он как бы еще продолжает уговаривать, убеждать пермян, заклинать их «страшными клятвами». На первый взгляд здесь нет явных библейских ассоциаций, по существу же и эта речь Стефана построена на библейской основе.

«Челюсти» и «гортань» могут рассматриваться как метафоры, они несут смысловую и звуковую нагрузки и именно с этой точки зрения представляют интерес. Обратимся сначала к словосочетанию «гортань моя», которое, казалось бы, употреблено в прямом значении. Ветхий и Новый

¹⁷ См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 168—175.

¹⁸ Пс. IX, 16.

¹⁹ Пс. IX, 17.

²⁰ Пс. LXXXI, 5.

²¹ Ср.: «Ввержена же быть нога его в прутло» (Книга Иова, XVIII, 8); «Простре сеть ногам моим» (Плач Иеремии, I, 13).

завет содержит множество случаев применения этой метафоры.²² Епифаний как бы дает стилистическую адаптацию псалтырных стихов, использует библейские образы и символы так, как это ему нужно, стремясь при этом придать изложению характер и стиль священных книг.²³ «Челюстям» найти аналогий в Библии не удалось. В данном примере писатель сам создает языковые параллели по типу стилистической симметрии в псалмах, стилизуя таким образом свой язык под библейский.

Рассмотренные примеры далеко не исчерпывают всех видов метафор, встречающихся в Житии Стефана Пермского, но вместе с тем они представляют наиболее типичные для житийной литературы XIV—XV вв. метафорические образования. Писатель пользуется традиционными метафорами, корни которых уходят в библейские книги. В этом отношении он продолжает линию религиозно-дидактической и панегирической литературы русского средневековья, которая «усвоила от библейско-византийских образцов не только общее направление, но и значительную часть готовых метафор».²⁴

Однако Епифаний обновляет известную метафору, то расширяя и расширяя ее, то создавая на основе старых тропов новые их сочетания. Библейские метафоры становятся в Житии своеобразным центром, вокруг которого группируются различные метафорические образования (часто эти образования оказываются в пределах одного стилистического периода). Для обновления традиционной метафоры, усиления ее выразительности писатель сочетает ее с каким-нибудь другим тропом, например эпитетом, и создает такие метафорические выражения, как «скрижали сердечные», «очи сердечные», «чувственные хартии», в которых каждый компонент выполняет метафорическую функцию. Отличительной особенностью стиля Епифания является создание из старых традиционных метафор новых, более сложных, имеющих как бы двойной смысл: тот, который вкладывался в них библейской символикой, и иной, нужный писателю для выполнения его художественной задачи.

²² Наиболее интересны, с нашей точки зрения, следующие случаи: «Утрудихся зовый, измолче гортань моя» (пс. LXVIII, 4); «Не возгласят гортанью своею» (пс. CXIII, 15).

²³ Следует отметить, что при описании пермских идолов (с. 28—29) Епифаний почти полностью использует пс. CXIII, 12—16.

²⁴ В. П. Андрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси, с. 19.